

Данным исследованием делается попытка доказать, что а) автор «Empedocles»; б) младший товарищ Цицерона, который давал ему столь высоко принципиальные советы в области политики и, слушая «de republica», порицал его «бегство в прошлое»; с) Саллюстий—проаквестор М. Бибула и д) Саллюстий, который в 47 г. помирился с Цезарем—представляют собой одно и то же лицо и тождественны с историком Саллюстием Криспом¹.

Если такое обогащение биографического материала о Саллюстии Криспе внесет свой вклад в борьбу с легендой вокруг Саллюстия, то эта статья достигла своей цели.

П. Б. Гурвич

ХЕРСОНЕС И РИМ

Включение Херсонеса Таврического, постоянно находившегося под угрозой со стороны скифов, в состав царства Митридата VI в первое время не вызвало, повидимому, протеста со стороны херсонесцев. Они видели в Митридате избавителя от страшной скифской опасности. Положение дела резко изменилось во время войн Митридата с Римом. Эти войны потребовали максимального напряжения сил, и понтийский царь должен был усилить нажим на свои северные владения. Херсонес начинает испытывать все большее недовольство Митридатом, так как тяготы войны и появившийся в его стенах понтийский гарнизон² начали все более и более стеснять его граждан; к тому же изменилась и политика Митридата по отношению к варварам, от которых он должен был защищать Херсонес. Митридат начинает видеть в варварах не врагов, а союзников, на которых можно опереться в борьбе с Римом. Аппиан неоднократно упоминает о заключаемых им союзах с варварскими племенами. Так, в 57-й главе его «Митридатовых войн» рассказывается о посольствах царя к фракийцам, савроматам и скифам, а в 69-й содерится перечень ряда варварских племен, граничащих с территорией Боспора, которые названы уже его союзниками. Из 101-й главы мы узнаем, что Митридат обручает своих дочерей с наиболее сильными из варварских правителей. Эта политика понтийского царя была, повидимому, не по душе господствующему классу Херсонеса. В нем нарастает оппозиция Митридату, и недаром его сын—изменник Махар—бежит, узнав о приближении разбитого римлянами отца, из Пантикалея в Херсонес (App., 102). Ясно, что Херсонес в данный момент играл роль как бы центра оппозиции. Не случайно Аппиан в 108-й главе, повягшенно восстанию Фарнака и Фанагории, причисляет и Херсонес к числу укрепленных пунктов, недавно захваченных (ἀφέλπει) Митридатом. Под этим «недавним захватом» разумеются, надо полагать, события 70-х гг. I в. до н. э. Херсонес восстал против Митридата и был им захвачен. На стороне Махара был Херсонес, несомненно симпатизировавший римлянам. Следует помнить, далее, что инициатива перехода к римлянам принадлежала греческим городам побережья, тогда как варварские племена оставались до конца верными Митридату. В переговорах Махара с Лукуллом, как и Фарнака с Помпеем, не страх перед вторжением римлян

¹ Но этот Саллюстий пи в коем случае не тождествен с еще перассмотренным Саллюстием в письмах Att., I, 11, 1 и I, 3,3. Этот Саллюстий уже по той причине не может быть Саллюстием Криспом, что во второй половине 67 г. он является уже самостоятельной величицей в римской общественной жизни. Такое положение не мог занимать девятнадцатилетний юноша, каким тогда был историк Саллюстий Крисп (Цицерон о Саллюстии в Att., I, 11 и I, 3 говорит как о ровеснике). С другой стороны, то, что этот Саллюстий имеет самостоятельные политические связи, а Аттик и Цицерон обращаются с ним как с равным, показывает, что этот Саллюстий отличен от того, о котором говорится как о клиенте Цицерона. Поэтому в Саллюстии из Att., I, 11 и I, 3 следует усматривать третьего Саллюстия.

² App., Mithr., 108. См. Ростовцев в «Сборнике в честь Уваровой», стр. 8.

играл главную роль, а то, что Рим был ближе интересам господствующего класса при черноморских городах, чем Митридат, опиравшийся на варварские племена. Херсонеские граждане могли усмотреть в действиях pontийского царя измену эллинизму, носителем которого стал для них Рим.

После смерти Митридата в 63 г. до н. э. на боспорский престол вступил его сын Фарнак, который владел и Херсонесом, как захваченным после подавления восстания городом. Детали этого периода истории Херсонеса неизвестны. Возможно, что до 25 г. он оставался под властью Боспора.

В 25 г. до н. э. в Херсонесе вводится новая эра, быть может, в связи с освобождением его от боспорского владычества¹. Весь этот период в истории Херсонеса является наиболее темным. Возможно, что Херсонес уже после победы Цезаря над Фарнаком при Зеле (47 г. до н. э.) получил свободу, т. е. вышел из состава pontийско-боспорского царства². Но позднее эта свобода была ограничена, и установлен был, не без содействия Рима, тесный союз Боспора и Херсонеса, т. е. зависимость более слабого Херсонеса от более сильного Боспора³.

Рим как бы не нашел еще своей линии поведения по отношению к Херсонесу, то подчиняя его Боспору, то делая его независимым от последнего.

Ко времени после гибели Фарнака относится надпись херсонесцев (IOSPE, I², 691), говорящая о посылке в Рим к сенату и Цезарю в 46 г.—в третье его консульство—посольства с ходатайством о даровании Херсонесу свободы, вернее—о восстановлении ее. Основанием этой просьбы было, надо думать, поведение Херсонеса во время выступлений Митридата и Фарнака. Просители, вероятно, ссылались на прецедент—получение автопомии Фанагорией в награду за восстание ее против Митридата при Помпеи в 64 г. Это ходатайство Херсонеса крайне характерно. Оно является ограничением, как говорит В. Н. Дьяков⁴, «основного программного требования городских элементов Северного Причерноморья, которое заключалось в желании вернуться к домитриадовскому положению: самостоятельности и дружественным, но не вассальным отношениям к Риму». Мы можем думать, что эта просьба херсонесцев была удовлетворена.

Когда после тридцатилетнего правления Асандра Агриппа, вмешавшись в боспорские дела (14 г. до н. э.), поставил правителем Боспора римского прислужника Полемона, Херсонес был автопомен; однако защищать себя от постоянной угрозы со стороны скотов или тавро斯基дов он не мог. Он должен был просить союза у Полемона. Известен фрагмент декрета об увенчании неизвестного деятеля, награжденного венком и постановкой статуи (на базе которой и сохранилась надпись) за удачное руководство посольством к царю Полемону по поводу заключенного с ним союза: «'Εκτάς σφιχτάς γενηθέντι τάς πρὸς βασιλέων Πολέμωνα δι' ἀγρ[ε]μίνειν εύτοχῆ?»⁵.

Таким образом Херсонес становится союзником римского ставленника Полемона. После свержения Полемона Аспургом херсонесцы, повидимому, поддерживали

¹ См. Бертье-Делагард, ЗОО, т.XVI; Ростовцев, Херсонес (Энц. слов. Брокг.-Ефр.); Селиванов, О Херсонесе (речь), Одесса, 1898. Дата новой эры в Херсонесе вычислена Бертье-Делагардом.

² См. декрет в честь Г. Юлия Сатира, IOSPE, I², 69¹. Плиний (N. H., IV, 85), следя хорошему источнику, доброжелательному Херсонесу, говорит, что этот город пользовался свободой. Источником мог быть Баррон. В таком случае Плиний констатирует положение в эпоху Цезаря.

³ Ростовцев, Эллинство и иранство на юге России, Петр., 1918, стр. 153; IOSPE, I², 354, 419, 709.

⁴ В. Н. Дьяков, Пути римского проникновения в Северное Причерноморье, ВДИ, 1940, № 2—4, стр. 74.

⁵ IOSPE, I², 419. По мнению Ф.Ф. Соколова, честуемое лицо было послано в качестве начальника вспомогательного отряда в помощь Полемону и было награждено за счастливое командование отрядом.

свои союзно-вассальные отношения с Боспором. В Херсонесе была найдена мраморная база с посвящением от имени царя Аспурга: Βασιλεὺς Ἀσπούργος βασιλέωφ[ν...] (IOSPE, I², 573). Аспург царствовал с 8 по 38 г. н. э. и ориентировался на выдвинувшие его города и слои Боспора. Херсонесцы под давлением варварской опасности должны были поддерживать связи с Боспором. Именно в этом смысле следует понимать выражение Страбона (VII, 4, 3), что Херсонес и по его време (χει νῦν) находится под властью боспорских царей.

Под влиянием римской политики, которая покровительствовала в городах местной аристократии, в I в. до н. э. в Херсонесе происходит некоторая аристократизация политического строя. В связи с этим в городе происходила, повидимому, довольно острая классовая борьба между аристократами, которые стремились удержать ἡ πάτριος κλητεία, и демосом, который пригласил какого-то тирана и имел связь с местным иварварами. Об этом событии говорит одна надпись, к сожалению, дошедшая в крайне фрагментарном состоянии (IOSPE, I², 355). Издатель ее, академик В. В. Латышев, датирует ее I в. н. э. Содержание ее сводится к следующему: сначала говорится о деятельности честивого гражданина, имя которого не сохранилось, вне родного города. Возвратившись в Херсонес, он, повидимому, застал сограждан страдающими от тирана и желающими его низвергнуть и был избран ими в предводители для действий против тирана. Он «немедленно наполнил сердца сограждан отвагой» и, несмотря на грозившие опасности, вместе с вооружившимся народом «без пролития крови сделал город счастливым». Далее говорится, между прочим, о классовой борьбе, смятении, убийстве и гневе простого народа. Потом честивый гражданин, очевидно, после победы, был избран согражданами в попечители общественных доходов и в этой должности обратил все свое внимание на безопасность родного города и, между прочим, заботился о ремонте городских стен. Так как предстояла война с кем-то из соседей¹, он произвел ревизию продовольственных средств города и, заметив, что граждане терпели большой недостаток в хлебе, через своих клиентов оказал им нужную помощь, чем весьма поднял упавший дух сограждан, «не щадя ни затраты денежных средств, ни тела, ни души». Далее в связи с его деятельностью упоминаются римский император, сенат и народ римский и исконная свобода херсонесцев. Можно предполагать, что честивое лицо на собственный счет ездило в Рим хлопотать о предоставлении Херсонесу прав «свободного города». Между тем, говорится далее в надписи, приверженцы изгнанного тирана снова призвали его, и он двинулся против города с многочисленным войском, однако честивый гражданин, действуя против него «с благородным рвением к народу», заставил его удаститься пи с чем. Далее упоминаются чьи-то сыновья и дочь, находившиеся во власти противной стороны и «естественная к ним привязанность», побудившая отца к каким-то действиям. Повидимому, речь идет о случайному захвате детей тирана и о вызванной этим уступчивости с его стороны². Документ оканчивается постановлением совета и народа об увенчании честивого гражданина и о постановке ему статуи и т. д.³. Эта надпись дает очень много для истории Херсонеса. Она показывает, во-первых, что Херсонес имел в это время «свободу», так как декрет издан обычным путем от имени совета и народа. Во-вторых, она свидетельствует об острой классовой борьбе, которая кипела в его стенах. Наконец, она говорит о внешней опасности: враг в лице варваров—союзников тирана—шел на город, и Херсонес был близок к гибели.

Положение Херсонеса в это время было очень тяжелым, и помочь ждать было часто неоткуда. Как уже было указано, Херсонес искал военного союза с Полемоном, а позднее был вассалом Аспурга. Все это заставило его в конце концов опереться на военную мощь Рима, который к этому времени захватил всю Малую Азию и диктовал свою волю Боспору.

¹ Быть может, с тавро-скифскими племенами.

² Ср. подобный эпизод из истории Афин в 510 г. при изгнании тирана Гиппия. (Нег., V, 65).

³ В основе пересказа находится изложение В. В. Латышева (МАР, № 9, стр. 16—17).

Римское влияние на Херсонес шло в первую очередь через Малую Азию. Но был и другой путь, по которому Рим протягивает свои железные щупальцы к Херсонесу. Рим в I в. до н. э. завладел северной частью Фракии, обратив ее в провинцию Мезию. И вот в одной надписи, найденной в Херсонесе, говорится о чествовании неизвестного лица за троекратное исполнение высшей должности, за исполнение еще ряда должностей и, наконец (в 10 венке), за исполнение роли посла к правительству Мезии¹. С этой надписью ее издатель академик В. В. Латышев правильно связывает известную надпись в честь легата провинции Мезии между 57 и 69 гг. Тиберия Плавтия Сильвана Элиана, бывшего консулом в 45 г. н. э. Он был близок к императорской семье, в 35 г. состоял личным адъютантом императора Тиберия, позднее был легатом V легиона и городским претором. На его сестре был женат император Клавдий. В течение двенадцати лет он успешно управлял Мезией после Флавия Сабина, навлек на себя подозрение Нерона и попал в опалу, однако при Веспасиане был реабилитирован и получил триумфальные украшения. Эти необычайные отличия объясняются тем, что именно с его мезийского наместничества началась успешная романизация этой отдаленной провинции, причем он опирался на греческие прибрежные города западного побережья Понта, пришедшие в большой упадок вследствие погрома со стороны гетов (так же, как и Ольвия).

В его эпитафии (CIL, XIV, 3608) между прочим говорится: *Scytharum quoque regem a Cherronensi quae est ultra Borustenen opsidione summoto*² («Также принудил царя скотов снять осаду с Херсонеса, что за Борисфеном»). Если сопоставить обе надписи, то можно притти к следующему выводу: херсонесцы, теснимые скифами, отправляют чествуемого гражданина к правительству Мезии. Последний откликается на призыв и освобождает Херсонес от осаждавших его скотов. Таким образом, круг охвата владений Херсонеса римским влиянием замкнулся. До этого римское влияние шло с востока, через Боспор и Понт, теперь оно идет с запада, через Мезию, из которой римскому влиянию, помимо западного побережья Понта Эвксинского, были подчинены также Тира и Ольвия, а за ними и Херсонес, куда Плавтий Сильван прибыл по призыву граждан.

Существует фрагмент почетного декрета Херсонеса в честь неизвестного лица, пришедшего (переправившегося) в город извне и спасшего его (IOSPE, I², 369). В. Н. Дьяков (ВДИ, 1941, № 1, стр. 91) предполагает, что это часть декрета в честь Сильвана, спасителя Херсонеса от скотов³. Таким образом, Херсонес в I в. н. э. находился в очень стесненном положении. Это стоит в связи с общей политической обстановкой, сложившейся в Крыму. На Боспоре в 40-х гг. происходило большое национальное движение против Рима. Главой этого движения был боспорский царь Митридат III (41—45 гг.), сын Аспурга и потомок Ахеменидов, самое воцарение которого произошло против воли Рима, как передает Кассий Дион (LV, 8). Римская дипломатия пустила в ход свои обычные средства: она стала покровительствовать претензиям на боспорский престол брата Митридата, Котиса, и в 45 г. Рим провозгласил его царем Боспора. Но Котис, принявший имя Тиберия Юлия и называвший римского императора

¹ IOSPE I², № 420; ЖМНП, 1884, июнь, стр. 43 (Латышев).

² Надо читать или «gege», или «summovit».

³ Толкование надписи и ее датировка зависят от понимания слова Σαρδομάτην. Возможно, что речь идет о царе Савромате (Савромат I правил с 94 по 123 г., Савромат II—с 174 по 210). В тексте говорится о военных событиях: кто-то заботился о доставке месячных запасов продовольствия, напал со множеством войска, сжег всю страну, кто-то явился на двенадцатый день, собирался переправиться в город,... охраняя... проведя вал. Во время Савромата II известны военные события в Таврике (IOSPE, II, 423)—см. Лепер, ИАК, вып. 45, стр 51—52. Ростовцев («Сборн. в честь Уваровой», стр. 15) полагает, что здесь речь идет о каком-то варварском царе, который «налетел со множеством войска... скотов, сарматов и союзников... испепелил огнем всю страну».

своим «спасителем и благодетелем» (IOSPE, II, 32), мог воцариться на Боспоре только с помощью римских солдат.

Длительное междуусобие на Боспоре в связи с воцарением Котиса (Та с., Ann., XII, 15) отразилось на положении в степях, занятых скифами. Эти последние пришли в движение, будучи втянуты в политическую борьбу, и начали снова угрожать Херсонесу, который, как было указано, твердо держал сторону Рима и за это получил автономию. Боспор помочь не мог. Оставалось искать помощи у правителя Мезии.

Военно-морская экспедиция Плавтия Сильвана была, вероятно, продолжением его похода в Тир 57 г., и была частью широко задуманного Нероном похода на Восток через украинские степи. Для этого похода, который так и остался невыполненным из-за смерти императора¹, было крайне важно восстановить боеспособность греческих городов Тира, Ольвии, Лерсопеса. До боя со скифами дело, повидимому, не дошло, и они в результате дипломатических переговоров бросили осаду Херсонеса, опустошив предварительно Гераклейский полуостров. Плавтий Сильван, нужно полагать, помог Херсонесу восстановить лицо обороны (римский ярус обороны) и оставил в городе гарнизон и часть равенского флота. С этого времени Херсонес и его область входят в провинцию Мезию. Римские наместники Мезии становятся полными господами Херсонеса, и им ставят в городе почетные статуи с надписями. Первая из сохранившихся надписей относится к эпохе Веспасиана: «Секста Ветулена Цериалиса, легата и пропретора Веспасиана Цезаря Августа (статую поставил) народ» (IOSPE, I², 421).

В Херсонесе с этого времени появляется римский гарнизон, во главе которого, в качестве военного коменданта и командира стоял военный трибун². Судя по найденным в Лерсопесе надгробиям, гарнизон состоял из солдат I итальянского легиона (IOSPE, I², 404, 417, 547, 548), который с 69 г. стоял в Мезии, и из вспомогательных отрядов, например, I Киликийской когорты (IOSPE I², 553—555), и т. д. Паряду с сухопутными войсками Херсонес сделался местом постоянной стоянки части римского флота под командой триерархов, подчиненных коменданту гарнизона (IOSPE, I², 417). Но римляне не ограничились охраной одного Херсонеса. Судя по тексту приводившейся выше надписи (IOSPE, I², 369), Сильван поставил гарнизоны и во второстепенных пунктах херсонесской области и начал укреплять их. Раскопки на Гераклейском полуострове обнаружили переделку римлянами старых укреплений и строительство новых в укрепленном комплексе против бывшего хутора Бермана и в Александриаде. Многие башни на полуострове являются римскими сооружениями, воздвигнутыми в помощь основным укреплениям.

Но римляне не ограничились военной оккупацией Гераклейского полуострова и прочих владений Лерсопеса; они довели до конца то, что не удалось Митридату VI, а именно, оккупировали всю горную Таврику, о чем свидетельствует Иосиф Флавий, говоря о подчинении римлянами племени тавров (Bell. iud., II, 16, 4). В связи с этим римляне, по мнению В. И. Дьякова (ВДИ, 1941, №1, стр. 95), организовали ряд десантных операций вблизи современной Ялты и в других местах, использовали в качестве опорных пунктов старые таврские укрепления в Хараксе (Ай-Тодор), на Аю-Даге, на горе Кошке и т. д., выбив оттуда тавров. Херсонес в это время становится центром римской оккупации всей Таврики³. Опыт использования этой базы Митридатом VI не прошел даром. Римляне воочию убедились, какое экономическое значение могли иметь Таврика и степи, расположенные к северу от нее, в случае военных действий. Ближайшей вадачей военной экспедиции Сильвана при Нероне был разгром грозного сарматского племени алапов, стихийное продвижение которых в степях за-

¹ Этот поход был задуман еще Цезарем. См. Ростовцев, Эллинство иранство на юге России, 1918, стр. 140—141; он же, Цезарь и Херсонес, ИАК, вып. 63, стр. 1 сл.

² IOSPE, I², 417. Надпись датируется второй половиной II в. н. э.

³ Ростовцев, Римские гарнизоны на Таврическом полуострове, ЖМНП, 1900, март, стр. 140—158; он же, Новые латинские надписи с юга России, ИАК, вып. 33, стр. 1 сл., то же ИАК, вып. 23, 27.

Танаисом толкало осевшие прежде от Танаиса до Дуная сарматские племена на римские дунайские провинции.

Экспедиция Сильвата имела успех¹. Ему удалось удержать даков и сарматов на левом берегу Дуная, переселив некоторые племена на правый берег. Удачная оккупация горной Таврики позволила Сильвата сделать пажим и на Боспор. Котис I потерял право чеканить монету. На Боспоре вновь, как в начале правления Котиса, появились римские войска. Но особенное внимание римлян привлек к себе Херсонес, поскольку здесь замкнулось кольцо охвата Римом Таврики с востока, из Малой Азии, и с запада, из Мезии. Были приложены особые заботы к тому, чтобы обеспечить Херсонес от нападений враждебных скифов и тавров и удержать его как важный форпост античной культуры. Это было необходимо для правильных и постоянных сношений Таврики с Понтом, а в Херсонесе была единственная гавань в Таврике, которая могла дать безопасный и прочный приют римской эскадре, защищавшей торговое мореплавание на Понте Эвксинском от пиратства. Риму поэтому надо было обезвредить Крым от тавров и прочно оккупировать горную часть и западное его побережье². Херсонес в это время пользовался правами свободного города.

При Нероне была сделана попытка, в виде экспедиции Сильвата, превратить Боспор в провинцию, а Херсонес в провинциальный центр, формально автономный. Но это продолжалось недолго. Правда, при Веспасиане и Тите полностью поддерживается в Крыму политика Нерона, в том числе и военная оккупация Херсонеса, нужная для плацов обоих Флавиев на востоке. Оба они планомерно развивают систему прочного укрепления подходов к Армении и Парфии с севера путем создания, наряду с сирийской армией, сильной армии в Каппадокии. С началом правления третьего Флавия — Домициана положение меняется. Экспедиция Сильвата далеко не ликвидировала всех военных вопросов на Дунае. Поход Нерона не состоялся. А между тем положение на Дунае все более осложнялось, и императору пришлось всю энергию и все военные силы сосредоточить здесь. Борьба была мало успешной, и Рим потерпел ряд поражений и неудач. Пришло убрать из Таврики все римские гарнизоны и усилить власть боспорского царя. Это сразу оказывается в том, что на золотых монетах Рескупорида I (с 80 г. н. э.) вместо царской монограммы появляется его полное имя, что и удерживается затем до самого конца Боспорского царства. Возможно, что с этого времени Боспор начинает получать от Рима ежегодную субсидию, дающую ему возможность чеканить полновесное золото и наименовать армию и союзников. В сферу деятельности Боспора попадает с этого времени и Херсонес, лишенный римских гарнизонов и римской защиты. Херсонес ощущает все это крайне болезненно, как резкое нарушение когда-то дважды дарованной ему «свободы». То же положение вещей удерживается и при преемниках Домициана — Первом и Траяне. Победы последнего над даками на некоторое время обеспечивают дунайскую границу, а походы в Парфию должны были создать такое же положение на востоке. Для прочности восточных завоеваний теперь особенно нужно было обеспечить восточным римским армиям подвоз продовольствия из Таврики. Поэтому Траян внимательно следит за Боспором через своих проконсулов и легатов в Вифинии и Понте и не жалеет средств для поддержания военной мощи Боспора, где в то время

¹ Есть несколько точек зрения на римскую оккупацию Таврики. Ростовцев считал, что римляне строили военные пункты, по строгой си теме на перекрестках дорог (ИАК, вып. 40, стр. 9). Дьяков считает, что оккупация имела целью держать в повиновении всю горную Таврику («Сборник трудов Алупкинского музея», 1930, стр. 31 сл.). Репников считает целью оккупации борьбу с морскими пиратами (СА, VII, стр. 121 сл.). Нужно полагать, что римляне имели в виду и то и другое: господство на суше и на море.

² М. А. Наливкина, Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации, «Проблемы ИДО», 1934, № 9—10, стр. 164 сл.; В. Д. Блаватский, Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг., ВДИ, 1938, № 2, стр. 321; Ростовцев, Римские гарнизоны на Таврическом полуострове, ЖМНП, 1900, март, стр. 140, где дан план Харакса.

царствовали сначала Рескупорид I, а за ним Савромат I¹. В связи с энергичной политикой римского императора оба царя ведут не менее энергичную борьбу со скіфами, которая увековечена в надписях и на монетах. Боспор становится, таким образом, вместо Херсонеса форпостом римского мира и римской военной мощи. Идея завоевания степей была, правда, оставлена, но зато была организована систематическая информация и давался постоянный отпор скіфам в ответ на их попытки захватить хлебородные местности Таврики, которые в изобилии давали и хлеб, и сырье, и рабов.

Внезапная смерть Траяна оборвала широкую завоевательную политику Рима; его преемник Адриан пошел, как известно, по иному пути. Адриан стремился прежде всего дать новым провинциям возможность мирно развиваться под защитой сильных и дисциплинированных армий и хорошо организованных оборонительных линий. В Таврике Адриан не пошел по намеченному Траяном пути. Котис II, сын Савромата I, сначала продолжал энергичную политику своего отца и успешно защищал границы Боспора. Адриан даже подтвердил, несмотря на протесты Херсонеса, права Боспора на этот город, но в 132 г., после смерти Котиса II и по вступлении на престол Ремиталка, политика Рима резко изменилась. Херсонесские надписи говорят об этом своим лапидарным языком. Граждане Херсонеса, повидимому, были весьма угнетены лишением свободы и подчинением Боспору. Декрет² в честь Аристона, сына Аттина, перечисляя его заслуги, говорит, что он был послом к царю Ремиталку, по поводу военного союза и, успешно закончив переговоры, был вторично послан к нему, причем провел свою миссию с неменьшим успехом; позднее он был послом в Риме по поводу дарования свободы и там умер. Из этой надписи не видно, чтобы херсонесцы добились свободы. Через некоторое время они снова возбуждают это же ходатайство, но не сами, а через свою метрополию Гераклею. От эпохи Антонина Пия сохранился их декрет в честь «отцов гераклотов». Вот что в нем говорится: «Поскольку досточтимейшие отцы наши гераклеоты с родственным сочувствием озабочились о нашем спасении, применив все рвение и всю неподдельную любовь, и послали к богу нашему и владыке императору Титу Элию Адриану Антонину посольство с целью молить его за нас, ни в чем не пренебрегши пами, и божественные ответы и милости дарованные благодеяния, переслав через знатнейших мужей Гераклида Менесфеева и Прокла Мемнопова, удостоили сделать известными, чтобы явна была их безукоризненность,—мы сочли должным со всем рвением вознаградить их приличными наградами; посему да постановит совет и народ похвалить за это прародительский наш... город и первый в Понте» (IOSPE, I², 362). Боспор, очевидно, не в состоянии был организовать действенную защиту Херсонеса и его области от скіфских вторжений и Антонину пришлось восстановить старый порядок, когда-то установленный Нероном. Херсонес, судя по вышеприведенной надписи, номинально получил «свободу», т. е. перешел в непосредственное ведение Рима, с прямою зависимостью от легатов Нижней Мезии. В нем снова появились римский гарнизон из легионариев и вспомогательных отрядов и римская эскадра из кораблей равенского флота. Возродилась римская военная граница, охватившая почти всю Херсонесскую область, кроме разве Маячного полуострова, где совершенно нет остатков римской эпохи. Была восстановлена сеть приморских крепостей и укрепленных пунктов внутри области, защищавших подходы к Херсонесу. Таким образом римляне взяли в свои руки непосредственную защиту западного побережья, горной Таврики, предоставив Боспору защищаться своей наемной армией. Этот порядок, созданный при Антонине, удержался довольно долго. То же было и при Северах с их жестким военным режимом. Из надписей известно, что и при Диоклетиане (284—305 гг.) в Херсонесе еще стоял римский гарнизон³.

III век, как известно, был одним из самых тяжелых периодов в истории Рима.

¹ Об этом свидетельствует сохранившаяся переписка между императором Траяном и Плинием Младшим, который был в это время легатом в Вифилии, посланным туда с чрезвычайными полномочиями в связи с подготовлявшимся походом на восток.

² IOSPE, I², 423; ЖМНП, 1884, июнь (Латышев).

³ Шангин, ВДИ, 1938, № 3, стр. 79—80, № 9.

Это было время распадения одряхлевшего государственного организма, время по-всеместных революций и варварских вторжений. Неизвестно, как пережил Херсонес тяжелую эпоху Великого переселения народов. Судя по находкам готских могил с деформированными черепами¹, Херсонес в это время был сильно варваризован, однако вряд ли можно думать, что он потерял свою независимость. Если верить сказаниям, записанным Константипом Порфиородным в его сочинении «Об управлении государством»², Херсонес в эпоху Диоклетиана был автономным городом, который управлялся стефанефорами-протевоцами, имел сильное войско, помогавшее римскому императору в его борьбе с савроматами, причем это войско без труда взяло Боспор. При этом любопытно отметить, что херсонесцы-победители просили у императора подтверждения им «широкой свободы и льготы от податей», т. е. ателии, что и было сделано Диоклетианом.

При Константине, по словам того же Константина Порфиородного, с помощью херсонесцев был подавлен мятеж среди скифов, для чего им пришлось совершить поход на Дунай. В благодарность за это херсонесцы получили подтверждение своей свободы и ателии, золотую императорскую статую с золотым венцом «для украшения города», золотые императорские перстни для облегчения переписки с императором, а также ежегодную субсидию в виде 1000 пайков хлеба для балистриев (городской милиции), веревки, коноплю, железо и масло для балистр. Таким образом, и в эпоху Константина, т. е. в первой половине IV в., Херсонес представляется сильным автономным городом, военной опорой Римской империи на Европе. Трения, бывшие у Херсонеса с Боспором, также нашли отражение у Константина Порфиородного в виде рассказа о войне боспорцев и херсонесцев. На сгоревшем боспорце было население с Мэотийского озера (Азовского моря). Херсонесцы, узнав о выступлении врагов, вышли им навстречу и возле Кафы (теперь Феодосия) разбили их на голову. Был заключен мир, по которому граница Боспора проходила через Кафу. Через несколько лет неунимавшиеся боспорцы снова выступили войной против Херсонеса. Слова жители последнего разбили их у Кафы после единоборства их представителей, причем протевон Фарнак хитростью одолел Савромата. Теперь границей стал город Киперник, быть может Киммерик, находившийся почти при выходе из Боспора Киммерийского в Понт Эвксинский.

Богатство и независимость Херсонеса описываются также в новелле о Гикии, дочери протевона Ламаха, к которой сватался боспорский царевич, сын Асандра. Херсонесцы ответили согласием, но под условием, чтобы царевич при под каким видом не пытался возвращаться на Боспор. На таких условиях состоялся брак, причем боспорцы захотели хитростью, при помощи заговора, захватить Херсонес. Но заговор был во-время раскрыт, и Гикия не остановилась перед умерщвлением своего мужа и всех боспорцев, которых он успел тайно «накопить» в подвалах богатого дома Гикии. Красочно описывается богатство этого дома. «Ламах в то время,—говорится в новелле,—славился большим богатством в золоте, серебре, рабах и рабынях, разном скоте и многих имениях; дом его простирался на четыре квартала в длину и ширину и до низа так называемых Суз; здесь в стене у него были собственные ворота и четыре больших портала для входа и выхода, а также были и другие прекрасные боковые входы, так что, когда скот его входил в город, то каждое стадо коней и кобылиц, быков и коров, овец и ослов входило в свои ворота и шло в свои стойла»³. Что касается даты этой новеллы, то некоторые ее детали говорят, как будто, за раннехристианского ее происхождение, как, например, требование Гикии похоронить ее в пределах города, что для античного времени было немыслимо; потому датировать этот рассказ эпохой боспорского царя Асандра, т. е. I в. до н. э., трудно.

¹ Вопрос о принадлежности деформированных черепов готам еще не решен. Во всяком случае они находятся в могилах с позднеримским инвентарем. См. ВДИ, 1939, № 2, стр. 135.

² «Изв. ГАИМК», вып. 91(1934), стр. 34 сл. («Об управлении государством», 53).

³ «Изв. ГАИМК», вып. 91(1934), стр. 39.

Итак, в III и IV вв. Херсонес не только не опустился, подобно Ольвии, но был сильным военным пунктом, с успехом отражавшим варваров и помогавшим императору в трудные минуты. Его культура в это время стояла еще довольно высоко. Так, например, херсонесцы не перестали еще увлекаться Гомером, как показывает одна эпитафия, изданная Шангиным (ВДИ, 1938, № 3, стр. 77, № 8), в которой еще слышится гомеровская фразеология. Во II—III вв. н. э. в Херсонесе существуют общественные игры. Уцелел обломок списка победителей с сохранившимся гимном в честь Гермеса и обозначением, что надпись поставил гимнасиарх Дамотал, сын Феофила¹. Кроме того, имеются фрагменты еще трех списков победителей в херсонесских агонах². Все это указывает на то, что Херсонес в позднеримскую эпоху был крепким «изысканным» городом. К этому же времени относится ряд строительных надписей, показывающих, что город переживал относительное благополучие. Так, к началу III в. н. э. относится надпись, написанная уже на греческом и гласящая, что Аврелий Гермократ, сын Мирона, а по природе сын Тимофея, пожертвовал (оставшиесь) из расходных сумм агорономии 3000 денариев на храм Афродиты³. К тому же приблизительно времени относится надпись о постройке оборонительной стены: «[Имя рек] построил стену на собственные средства Зевсу Спасителю за себя и за благосостояние города, через эпимелета Намуха (?) старейшину города» (IOSPE, I², 438).

Прямое свидетельство о существовании в Херсонесе гарнизона в конце IV в. дает надпись на латинском языке в честь императоров-соправителей Валентиниана, Валента и Грациана от солдат отряда баллистариев (ИАК, вып. 23, стр. 6). От конца IV в. (383—395 гг.) дошла очень важная надпись, показывающая, что Херсонес в это время находился в составе империи и признавал императоров своими непосредственными владыками. Далее из нее ясно, что в городе стоял военный отряд империи, трибун которого заботился о безопасности города, в частности о постройке оборонительных стен. Вот эта надпись: «За владык наших, вечных Августов, непобедимых Флавиев Феодосия и Аркадия, и много потрудившегося при деле Флавия Вита, трибуна и строителя, построена стена при Евферии превосходительном»⁴. В бурную эпоху Феодосия Херсонес, повидимому, испытывал большой написк со стороны степей, почему и понадобилось обновить и укрепить основную линию обороны, особенно юго-восточный ее участок, где и найдена была эта надпись (ИАК, вып. I, стр. 40). Это было время усиления центральной власти. Характерно, что в надписи не упомянут никто из местных эпонимов (например, протевон), но говорится зато об «Евферии превосходительном». Это так называемый μεγαλοπρεπέστατος κόμης (comes) или comes comiti ciorum (КЕ, III, 643), на обязанности которого было следить за сношениями херсонесцев с другими народами, предупреждая измену; он же ведал всеми таможенными делами. В римской империи было мало городов, которым было дано право споситься с чужими народами. Император Валент дал такое право только двум городам на Дунай. Херсонесу было дано это право, вероятно, Константиком, причем за выполнением следил комит.

От конца IV в. сохранилась сильно фрагментированная надпись эпохи Гонория и Аркадия, которая регламентировала торговые сношения Херсонеса с восточными областями империи, причем данный декрет был издан в подтверждение соответствующего декрета императора Феодосия⁵. Это показывает, что Херсонес в конце IV в. был богатым городом, который имел обширные торговые сношения со многими городами, о чем свидетельствуют и раскопки городища и могил. Таким Херсонес остается и в ранне-византийскую эпоху. От этого времени дошла «строительная» надпись с упоми-

¹ В. В. Латышев, *Почтах*, 312; ИАК, вып. 10, стр. 20, № 14.

² IOSPE, I², 228; ИАК, вып. 10, № 14; вып. 14, № 24. Все—позднеримской эпохи II—III вв.

³ IOSPE, I², 203. Найдена в Уваровской библиотеке. См. «Пропилеи», IV, 536.

⁴ ИАК, вып. 1, стр. 59; IOSPE, I², 450=IOSPE, IV, 464. Ср. ВДИ, 1938, № 3, стр. 82, № 11, примечания.

⁵ ИАК, вып. 15, стр. 16; Шангин, ВДИ, 1938, № 3, стр. 82, № 11.

чанием императора Зенона, которой А. Л. Бертье-Делагард посвятил специальное исследование¹. Эта надпись, помимо того, что по ней определяется херсонесская эра (см. работу А. Бертье-Делагарда), важна как свидетельство постройки стен и башни в Херсонесе. Датируется надпись довольно точно 488 г. Необходимость обновить стены диктовалась, повидимому, большим землетрясением, которое было в Крыму в 480 г. и продолжалось 40 дней. Из надписи видно, что Херсонес прочно подчинен византийским императорам, что в городе имеется отряд баллистрариев, у которых есть своя казна. Повидимому, эти военные содержались на взносы, собиравшиеся с херсонесцев. Работы по постройке велись под наблюдением «светлейшего комита Диогена». Император Зенон разрешает истратить часть денег казны баллистариев на возобновление стен и башни.

Жизнеописания херсонесских епископов, дошедшие в списках X в.², показывают, что Херсонес был стойким языческим городом даже в то время, когда христианство уже торжествовало свою победу.

Имеющийся материал, хотя и случайный и скучный, свидетельствует, что в период распада Римской империи Херсонес сохранил экономические и военные ресурсы, которые могли сделать этот город опорой власти Восточной Римской империи на крайнем северо-востоке.

Проф. К. Э. Гриневич

РЫБНЫЙ РЫНОК В ХЕРСОНЕСЕ

(Новооткрытая надпись музея Харьковского государственного университета)

Как известно, одним из наиболее важных предметов экспортного древних колоний Северного Причерноморья после хлеба и рабов служила рыба³. О наличии рыбного промысла, размерах обрабатывающего производства, способах улова и орудиях хозяйства рассказывают древние авторы. Об этом же свидетельствуют многочисленные и разнообразные памятники материальной культуры.

Начиная с VII в. до н. э. все побережье Черного моря, особенно северо-западная его часть, покрылось множеством факторий и эмпорий, получивших впоследствии известность главным образом добывчей рыбы. Обычно в устьях рек возникали эмпории, служившие опорными пунктами для рыбных торговых магистралей и складами, где заготовлялась в разных видах рыба для экспорта.

Первой такой небольшой станцией на берегу Понта во Фракии, в удобной, хорошо защищенной бухте, куда заходили суда, возвращаясь из северных колоний в метрополию, была фактория Delkos, одноименная с находившимся рядом озером⁴. В этом же

¹ А. Л. Б е р т ъ е -Д е л а г а р д, Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса, ЗОО, XVI; В. В. Л а т ы ш е в, Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России, 1896, стр. 7.

² В. В. Л а т ы ш е в, ИАК, вып. 23, 49; он же, ЗАИФО, VIII, № 3 (1906).

³ Polyb. IV, 38. Исчерпывающая литература, где рассмотрены высказывания древних авторов о pontийской рыбе, приведена у Koehler, »Τάχις ou recherches sur l'histoire et les antiquités des Pêcheries de la Russie Méridionale», «Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Peterb.», VI Série, t. I, 1832, стр. 347 сл.; Otto K e l l e r, Die antike Tierwelt, 1913, t. II, 332 сл.

⁴ Название приморского города Delkos сохранилось по нынешний день. См. О в е г у м м е р, Delkos, KE, IV, стр. 2447; С. А. С е м е н о в — З у с е р. Торговый путь к Ольвии, «Ученые записки Харьковск. гос. ун-та», 1940, т. 19.